

СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Представлены практико-ориентированные и теоретико-методологические основания системно-динамического подхода к исследованию жизнеспособности человека. С позиции обозначенного подхода жизнеспособность человека представлена как: 1) синергетическое единство компонентов адаптивных, реализующих механизмы гомеостаза и гетеростаза, и неадаптивных, представляющих явления гомеореза как устойчивого «потока жизни»; 2) общесистемное психическое свойство, функцией которого является внутренняя готовность человека к сохранению своей целостности; 3) проявление смысловторчества человека в процессах его транскомуникаций, обеспечивающее динамическое удержание жизни в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения.

Ключевые слова: жизнеспособность человека; системно-динамический подход; теория транскомуникации; теория психологических систем; теория фиксированных форм поведения; самореализация; смысловторчество; транскомуникация; постнеклассическая психология; «принцип самоотбора».

Современное состояние российского общества характеризуется многочисленными проявлениями системного кризиса, охватывающего все сферы социальной, экономической, культурной и духовной жизни. В этой связи актуализируются не просто задачи аккумуляции и мобилизации всех знаний о человеке, но потребность в специальном изучении, осмыслении особенностей его современного функционирования, условий сохранения его устойчивости в весьма неустойчивом обществе [1]. С другой стороны, на наши внутригосударственные коллизии накладываются процессы, общие для всей цивилизации. Становление информационного общества привело к констатации того факта, что мы живем в эпоху становления «виртуальной идентичности», когда диффундирует граница между личностью и социальной средой, и уже не только человек кроит и перестраивает мир по своим субъективным лекалам, но и мир врывается в нас, достраивая и расширяя пространство нашего «Я» [2].

Не случайно в декларации ЮНЕСКО «Образование XXI века» открыто заявляется о том, что главной ценностью новой культуры должна стать ценность устойчивого стабильного развития человека и общества, а главной целью образования – формирование жизнеспособной личности [3]. Современная педагогическая наука постепенно осознает, что пришло время пересмотра целей воспитания: «Идея формирования жизнеспособного поколения должна быть выдвинута на уровень национального приоритета в общегосударственной, социальной, семейной, молодежной политике», – отмечает доктор педагогических наук М.П. Гурьянова [4. С. 15]. Педагогика в меру своих возможностей пытается ответить на этот социальный запрос [5, 6], ожидая поддержки от психологии, которая пока не оправдывает эти ожидания.

М. Селигман полагает, что современная психология превратилась в «виктомологию», поэтому, как считает видный представитель позитивной психологии, ее парадигма должна кардинально измениться в направлении от концепции болезни к концепции здоровья [7]. В этой связи можно заметить, что понятие «жизнеспособность» пока тянет за собой шлейф ассоциаций, берущих начало в старой парадигме, хотя отечественная наука начинает понимать, что исследованию «жизненной способности» – как сложного, макросистемного, интегрального качества человека, «должно быть отведено особое место» [8. С. 95].

Попытаемся выделить те трудности, которые возникают при определении жизнеспособности как предмета исследования в психологии. В некоторой степени – это не до конца осознанная социальная значимость задачи. Психология пока не приняла задачу исследования жизнеспособности как глобальную гуманитарную проблему, как непосредственно обращенный к ней социальный заказ по выявлению роли психического в обеспечении жизнеспособности человека – существа, представляющего высший уровень развития живой материи. Ведь это такой уровень, законы существования и развития которого невозможно объяснить, основываясь на знаниях о других уровнях функционирования живых организмов. Если бы психология сразу же, как замыслили создатели культурно-исторической психологии, осознала себя, по словам А.Н. Леонтьева, в качестве науки об особой – высшей – форме жизни [9], то, возможно, и проблема жизнеспособности развивалась бы иначе. Пока же отечественные разработки по проблеме психологии жизнеспособности хоть и многочисленны, но эпизодичны, разрознены и мало систематизированы (Б.Г. Ананьев [10], А.В. Махнач, А.И. Лактионова [11], С. Пако [12] и др.).

Кроме того, понятие «жизнеспособность» перекрывается многочисленными родственными понятиями, однако с похожими референтами, такими как сопротивляемость («resilience»), чувство связности («the sense of coherence»), разрастание («thriving»), неуязвимость («invulnerableness»), жизнестойкость («hardiness»). Наиболее разработанной на сегодняшний день является категория «жизнестойкость». Отечественные исследования жизнестойкости Д.А. Леонтьев, Е.И. Расказова [13], С.А. Богомаз [14] и др. позволяют полагать, что жизнестойкость является не только опорной переменной жизнеспособности, но и важнейшей предпосылкой ее изучения.

Трудность исследования жизнеспособности в психологии заключается также в требовании выделения особых методологических средств, которые позволили бы определить ту точку зрения, с позиций которой можно подвергнуть анализу огромный теоретический и эмпирический материал, накопленный в сферах исследования адаптационных процессов, копинг-стратегий, саморегуляции, саморазвития и самореализации человека, его личностного, смысловжизненного потенциалов. Мы полагаем, что такую точку зрения может обеспечить системно-динамический подход, который вхо-

дит в культурно-историческую психологию в качестве ее составной части. Л.С. Выготский считал, что «революционная перспектива будущего позволяет понять развитие и жизнь личности как единый процесс, стремящийся вперед и с объективной необходимостью направленный к конечной точке, к финалу, намеченному требованиями социального бытия» [15. С. 60].

Поскольку феномен жизнеспособности в его системном смысле пока не раскрыт, потому он считается до сих пор в более устоявшемся частном (биовитальном, анатомо-физиологическом) аспекте. Подобное сужение термина является, на наш взгляд, одной из причин, которые препятствуют окончательному закреплению этого понятия в категориальном аппарате науки.

Другую сложность составляет сведение понятия «жизнеспособность» до уровня личностных качеств, являющихся показателями жизнеспособной личности. Анализ имеющихся разработок по данной проблеме показывает, что представители разных наук ведут достаточно интенсивный поиск того, какие именно качества человека в конечном итоге определяют его жизнеспособность. По этому пути идут, например, педагоги, поскольку проблема формирования жизнеспособной личности перед ними уже поставлена. Однако такой структурно-функциональный подход не фундирован пока психологическим пониманием роли психики и сознания в обеспечении жизнеспособности. Поскольку в логике культурно-исторической психологии «жизнь определяет жизнь через сознание», необходим выход за пределы статуса («жизнеспособная личность») в динамику жизнеосуществления. Здесь возникает новая трудность.

Традиционная наука пытается изучать жизнеспособность так, как привыкла рассматривать все психологические феномены: «как статус, а не как процесс, как состояние, а не как становление». Эта методологическая установка существенно затрудняет не только исследование, но и осознание общенаучного и психологического значения проблемы жизнеспособности, ибо никакой самый строгий и совершенный функционально-структурный подход со своей обычной отражательно-регулятивной направленностью не способен в полной мере адекватно отразить жизнеспособность как «способность к жизни». Ведь «жизнь – это асимметрия с постоянным колебанием на острие меча, удерживающаяся более или менее в равновесии лишь при устремлении, при постоянном движении»... а «мир – это не предмет, не пространственное постоянство, но текучее пространственно-временное содержание, процесс» [16], и «быть живым – понятие не статическое, а динамическое» [17]. Познание жизнеспособности требует иного угла зрения: не с позиции статического понимания человека и его психики, а с позиции «текучей динамики», с позиции способности человека обнаруживать и расширять собственное «пространство свободного движения» [18], с позиции системной антропологической психологии (как современного варианта развития культурно-исторической психологии), предметом изучения которой является целостный человек, понятый как самоорганизующаяся система, способом существования которой является саморазвитие [19].

Таким образом, теоретическая и конкретно-практическая актуальность, т.е. возможность и свое-

временность постановки проблемы жизнеспособности, объясняется злободневностью и глобальностью социального запроса и обеспечивается адекватными концептуальными основаниями культурно-исторической теории в том варианте ее современного развития, который представляет системная антропологическая психология наряду с другими вариантами антропологизации психологического познания, представленными работами, в которых осуществляется «восхождение к человеку» как предмету психологической науки [20–22 и др.].

Соответственно, высвечивается и собственно проблема, которая заключается в том, чтобы выяснить, что представляет собой жизнеспособность с позиции целостного рассмотрения человека, с точки зрения понимания его как живой саморазвивающейся (и самоорганизующейся) системы – системы, способной «производить жизненность и внутреннюю гармонию, которые субъективно воспринимаются как благополучие» [23].

Решение этой проблемы, на наш взгляд, возможно с позиций системно-динамического подхода, предполагающего синтез нескольких теоретических концепций (что допустимо в современной «мультипарадигмальной» психологии, утратившей идеалы «чистой», «классической рациональности» и основанной на принципе методологического плюрализма).

Общими научными основаниями исследования жизнеспособности в рамках обозначенного подхода стали представления Б.Г. Ананьева о системной организации структуры человека и созвучные им взгляды Л.С. Выготского, ориентированные на познание целостного человека не с позиции «статического» понимания его психики, а с позиции «динамики сорта (flushing) – текучей динамики. Значимость психологических систем Б.Г. Ананьева и Л.С. Выготского для исследования интегрального феномена жизнеспособности человека трудно переоценить. Здесь уместно вспомнить слова известного психоаналитика Р.А. Шпица о том, что устранение из сферы науки поклонения авторитетам вместо активизации творческой независимости способствует сужению горизонтов научных исследований, которые посвящаются проблемам, ставшим «модными». Их исследователи нагромождают бесконечные детали в надежде, что они приведут к открытию великих истин. Один из способов противостоять этому потоку – вернуться к изучению основоположников великих систем, чтобы таким образом оживить естественное стремление науки синтезировать данные, а не просто накапливать их [24].

Конкретной концептуальной основой исследования жизнеспособности человека стал синтез двух постнеклассически ориентированных теорий (теории психологических систем В.Е. Ключко [25] и транскомуникативной теории В.И. Кабрина [26]). Их сочетаемость оправдана однополярными представлениями о «законе ограничения взаимодействия» и «балансе избирательности и взаимности», о «способах посредничества (коммуникациях), которые определяют процесс становления в человеке (и самим человеком) своего собственного жизненного пространства» и «коммуникабельности как сквозной многоуровневой тенденции, обеспечивающей жизнеспособность личности». Базовые положения этих двух теорий об «информационном об-

мене как условия устойчивого существования открытых самоорганизующихся систем» и «коммуникации как основе всех жизненных процессов человека», на наш взгляд, характеризуют один и тот же психический феномен – жизнеспособность человека, и могут рассматриваться как вариации постнеклассической парадигмы в системно-динамическом и коммуникативном аспектах. В общефилософском смысле основные положения теории психологических систем и транскомуникативной теории в определении жизнеспособности человека соотносятся как категории содержания и формы, определяя однонаправленный вектор исследования этого феномена. Попытка интеграции вышеуказанных теорий позволяет обозначить новый предмет исследования – психологическую жизнеспособность человека как открытой самоорганизующейся системы, реализуемую в форме смысловтворческой коммуникабельности.

Идея транскомуникации как саморазвивающегося процесса, как средства разрешения противоречия между стремлением человека к самоопределению, самовыражению, расширению собственных границ и стремлением к сохранению своей собственной целостности, устойчивости может рассматриваться как сквозная идея, органично сочетающая теорию психологических систем и транскомуникативную теорию.

В антропологической концепции Б.Г. Ананьева коммуникации также придается особое значение. Она рассматривается как глубинная психодинамика человека, основа его личностной структуры, «посредник» осуществления связи и переходов интер- и интраиндивидуальных подструктур. Специфику «восхождения» к подлинной, высшей жизнеспособности можно попытаться понять, исходя из положений концепции Б.Г. Ананьева о вертикальном и горизонтальном уровнях регулирования развития человека в онтогенезе. Первый предполагает систему спинного мозга, управляющую иерархией простейших сенсомоторных функций. Второй (или билатеральный) контур регулирования развивается на основе формирования межполушарных связей коры головного мозга в связи с развитием высших психических функций. С позиции данной концепции оказывается, что низшие психические функции по вертикальному контуру регулирования регрессируют в достаточно молодом возрасте, а высшие могут развиваться интенсивно достаточно долго, компенсируя тем самым регресс по вертикальному контуру. Таким образом, Б.Г. Ананьев делает попытку понять общее психологическое развитие человека как постоянно возрастающее за счет трансформаций соотношения различных контуров регулирования [27]. Положения концепции Б.Г. Ананьева о вертикальном и горизонтальном уровнях регулирования развития человека в онтогенезе, на наш взгляд, отражают идеи самоорганизации человека как системы, его становления или «системного усложнения».

Соответственно, можно говорить о сочетаемости антропологической системы Б.Г. Ананьева, представлениях Л.С. Выготского о динамической сущности человеческого существования (как общего методологического фундамента) и конкретно-методологических положений (теория психологических систем, транско-

муникативная теория), определивших понимание жизнеспособности с точки зрения постнеклассической рациональности. «Совместимость» общих и конкретных методологических посылок исследования жизнеспособности объясняется и тем, что антропологическая парадигма, культурно-историческая теория, теория психологических систем и транскомуникативная теория разработаны на основе единой системно-динамической методологии, что обеспечивает необходимую для «методологического плюрализма» теоретическую непротиворечивость в отличие от эклектического слияния разнополярных концепций.

С позиции системно-динамического подхода жизнеспособность человека рассматривается как общесистемное (т.е. входящее в число свойств, обеспечивающих саму возможность существования системы), интегративное свойство, релевантное всему человеку как саморазвивающейся системе и характеризующее его потенциальную возможность сохранять свою целостность, удерживая жизнь в постоянном сопряжении с требованиями социального бытия и человеческого предназначения. Такой подход необходим, чтобы понять жизнеспособность человека как коммуникабельность, актуализирующуюся в смысловтворчестве, или как транскомуникабельность – интегральную характеристику человека как реально и потенциально открытой системы, т.е. системы, живущей, реализующейся и развивающейся созданием транскомуникативного пространства. Согласно предлагаемой системно-динамической модели, жизнеспособность человека характеризует его жизненный потенциал, становление которого осуществляется постепенно, шаг за шагом, и достигается на определенном уровне зрелости. Операциональным средством реализации жизнеспособности является смысловтворческая коммуникабельность (транскомуникабельность) как актуализированная способность человека к творческому, имеющему жизненный смысл информационному обмену с окружающей средой, реализуемому в специфически человеческой форме общения. Посредством транскомуникации осуществляется становление гармоничного (а не враждебно-совладающего) жизненного (коммуникативного) мира человека, которое служит основой его целостности. Соответственно, функцией жизнеспособности являются не борьба с обстоятельствами, не экзистенция «вопреки», не «совладание» (что характерно для жизнестойкости и родственных ей феноменов), а установление позитивных, «транскомуникабельных» отношений со средой и самим собой, т.е. становление собственного гармоничного жизненного мира.

Предложенная трактовка жизнеспособности с позиции постнеклассического рационального познания преодолевает представление о человеке лишь как о существе адаптирующемся и приводит к пониманию неадаптивности как позитивного явления. Жизнеспособность рассматривается как интегральное свойство человека – системы не просто существующей, развивающейся, а «становящейся», динамически поддерживаемой синергией адаптивных и неадаптивных компонентов в русле гомеореза – «стабилизированного потока» человеческой жизни, воплощающего саморазвитие – как единственно возможный способ устойчивого существования. Такое понимание жизнеспособности

сности сближает эту категорию с концептом «самореализация», которая рассматривается как форма проявления самоорганизации, присущая системе, как объяснительный принцип, отражающий универсальное основание бытия человека в создаваемом им самим мире, интегрирующийся с представлениями о жизни человека как процессе его самоизменения в ходе созидания им условий собственного бытия [28, 29].

Подобный угол зрения на жизнеспособность позволил предположить, что самореализация – форма проявления самоорганизации человека как открытой системы – является динамическим способом поддержания его жизнеспособности. В дальнейшем это предположение получило эмпирическое подтверждение: корреляционный анализ позволил выделить положительные статистически значимые связи между показателями общей жизнеспособности человека и параметрами обеих базовых и рядом дополнительных шкал САТ: компетентностью во времени ($r = 0,469$; $p = 0,01$), внутренней поддержкой ($r = 0,273$; $p = 0,01$), ценностями самоактуализации ($r = 0,279$; $p = 0,01$), спонтанностью ($r = 0,315$; $p = 0,01$), самоуважением ($r = 0,459$; $p = 0,01$), позитивным представлением о природе человека ($r = 0,331$; $p = 0,01$), познавательными потребностями ($r = 0,253$; $p = 0,01$).

Неясным остается еще один момент. Поскольку задача эмпирического исследования жизнеспособности с позиции предложенного выше ее понимания заключается в том, чтобы проверить, связаны ли коммуникабельность и жизнеспособность человека, статистически обоснованное решение этой задачи возможно посредством тривиального корреляционного анализа. Оно вполне удовлетворило бы «классического» исследователя. Однако постнеклассика не ограничивается разработкой структурно-функциональных моделей изучаемых феноменов, ее интересуют процессуально-динамические построения, конструирование которых невозможно без учета того факта, что жизнеспособность – это свойство живой открытой системы, важнейшим условием существования которой является следование «принципу самоотбора», способность к избирательному взаимодействию со своим окружением, при котором открытость есть не частный признак системы, а условие ее существования [30]. Можно полагать, что механизм самоотбора («баланс избирательности и взаимности», по В.И. Кабрину, или «ограничение взаимодействия», по В.Е. Клочко), обеспечивается рядом особых свойств, важнейшим из которых является психическая ригидность как категория анализа психологической системы, подробно проработанная в рамках теории фиксированных форм поведения Г.В. Залевского [31]. Сущность ригидности как общесистемного свойства заключается в том, что она являет собой интегральный, наиболее общий показатель степени

открытости психологической системы. Рассматривая жизнеспособность человека как открытой самоорганизующейся системы, условием устойчивого существования которой является информационный обмен со средой (реализуемый в форме общения), можно полагать, что чем выше ригидность, тем сильнее блокируются каналы выхода во внешний мир (доминирует избирательность) и игнорируются возможности согласованного информационного обмена, тем вероятнее появление поведенческих и других стереотипов в неадекватных для них условиях (ФФС – «фиксированных форм поведения», по Г.В. Залевскому), т.е. нивелируется взаимность.

Однако сочетание избирательности и взаимности или принцип самоотбора в обеспечении жизнеспособности человека функционируют не механически, не «исполняются» как заученная пьеса. Они проявляются в контексте базовых отношений или жизненных задач, в которых реализуется жизненный смысл и не только реализуется, но и порождается, вследствие чего человек как сложная психологическая система за счет активного взаимодействия со средой открывает для себя особое жизненное многомерное пространство – многомерный мир, существующий в форме коммуникативного мира. Избирательное взаимодействие выступает в этом случае как нормотворчество, позволяющее человеку осуществить свою жизнеспособность специфически человеческим – личностным способом в контексте базовых коммуникативных отношений, которые предполагают обязательное наличие «Другого» в транскоммуникативном пространстве, которое «творится» самим человеком.

Таким образом, законы ограничения взаимодействия и баланса избирательности-взаимности применительно к проблеме жизнеспособности человека позволяют говорить не только об их детерминирующем характере. Очевидно, что классический принцип детерминизма здесь оказывается существенно дополненным принципом «синхронистичности» как дополнительной свободой смыслообразования. Таким образом, системно-динамический подход, являющийся современным вариантом антропологического и культурно-исторического подходов и реализуемый благодаря методологическому синтезу теории, психологических систем и транскоммуникативной теории, позволяет выделить новый предмет исследования – психологическую жизнеспособность человека как открытой самоорганизующейся системы, реализуемую в смыслотворческой коммуникабельности. Этот предмет исследования отличается и от предмета «жизнеспособность личности» (В.И. Кабрин), «снятая» некоторую его тавтологичность, и от предмета «устойчивость системы» (В.Е. Клочко), дифференцируя синонимичный ряд «жизнеспособность–устойчивость».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фельдштейн Д.И.* Психологические проблемы образования и самообразования современного человека // Мир психологии. 2003. № 4. С. 275.
2. *Асмолов А.Г., Асмолов Г.А.* От мы-медиа к Я-медиа: трансформация идентичности в виртуальном мире // Вопросы психологии. 2009. № 3. С. 3–15.
3. *Зотова Н.К., Мухаметжанова Н.М.* Личностные достижения учащихся в образовательном процессе. Режим доступа: http://bank.orenipk.ru/text/t13_122.htm
4. *Гурьянова М.П.* Воспитание жизнеспособной личности в условиях дисгармоничного социума // Педагогика. 2004. № 1. С. 13–18.
5. *Ильинский И.М.* О воспитании жизнеспособных поколений российской молодежи // Государство и дети: реальности России. М., 1995. С. 5–25.

6. Уразаев Г.Н. Деятельность общественной организации как средство развития жизнеспособности личности: Дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2002. 229 с.
7. Seligman M.E. The optimistic child. N.Y., 1996. 336 с.
8. Абульханова К.А. Способность сознания // Мир психологии. Москва; Воронеж, 2006. № 2. С. 80–95.
9. Леонтьев А.Н. Философия психологии. М., 1994. С. 206.
10. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977. 388 с.
11. Махнач А.В., Лактионова А.И. Жизнеспособность подростка: понятие и концепция // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М., 2007. 624 с.
12. Пако С. Старение психологических особенностей человека // Основы геронтологии. М., 1960. С. 38–41.
13. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М., 2006. 63 с.
14. Богомаз С.А. Жизнестойкость человека как личностный ресурс совладания со стрессами и достижения высокого уровня здоровья // Материалы научно-практических конгрессов Третьего Всероссийского форума «Здоровье нации – основа процветания России». М., 2007. Т. 3, ч. 1. С. 23–25.
15. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1986. № 1.
16. Большой психологический словарь / Под ред. Б.Т. Мещерякова, В.П. Зинченко. СПб., 2003. 672 с.
17. Фромм Э. Ради любви к жизни. М., 2000. 400 с.
18. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб., 2000. 368 с.
19. Ключко В.Е. Человек как самоорганизующаяся психологическая система // Человек как самоорганизующаяся система: Материалы региональной конференции. Барнаул, 2000. С. 3–7.
20. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М., 2002. 480 с.
21. Братусь Б.С. Русская, советская, российская психология: конспективное рассмотрение. М., 2000. 88 с.
22. Зинченко В.П. Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили. М., 1997. 334 с.
23. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. 415 с.
24. Шпиц Р.А., Коблинер У.Г. Первый год жизни. М., 2006. 352 с.
25. Ключко В.Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2005. 174 с.
26. Кабрин В.И. Коммуникативный мир и транскоммуникативный потенциал жизни личности: теория, методы исследования. Томск, 2005. 217 с.
27. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. СПб., 2001. 288 с.
28. Галажинский Э.В. Системная детерминация самореализации личности: Дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2002. 320 с.
29. Галажинский Э.В. Личность в психоисторическом контексте: персоногенез? // Личность в парадигмах и метафорах: ментальность – коммуникация – толерантность / Под ред. В.И. Кабрина. Томск, 2002. С. 44–53.
30. Галажинский Э.В. Ригидность как общесистемное свойство человека и самореализация личности // Материалы конференции «Человек в психологии: ориентиры исследований в новом столетии». Караганда, 2001. С. 38–48.
31. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М., 2007. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 21 июня 2010 г.